

Алёна Григорьевна Жукова Дуэт для одиночества

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599445
Дуэт для одиночества: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47215-4*

Аннотация

Роман Алёны Жуковой, автора волшебного сборника рассказов «К чему снились яблоки Марине», – это история очень красивой, но трагической любви талантливого композитора и его ученицы. Он старше ее почти вдвое – сложный, нервный, поломанный жизнью человек, в котором, кажется, угасли все добрые намерения. Она – совсем юная, еще школьница, невероятно одаренная пианистка. Музыка – пространство их страсти, взаимопонимания и любви.

Но каждый гений несет в себе зерно боли, которому суждено рано или поздно взойти опасным цветком. Пережив мучительную психическую болезнь, героиня романа – вопреки суровой логике реальности – сначала потеряет, а потом найдет свое счастье.

Алёна Жукова – писатель-эмпат, она погружается в своих героев невероятно глубоко и настолько точно умеет передать все мельчайшие оттенки их характеров, что в процессе чтения читатель становится частью этого художественного мира. И если в литературе возможен 3D-эффект, то книги Алёны Жуковой – как раз тот случай!

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алёна Жукова

Дуэт для одиночества

*Посвящается певице
Галине Лукомской
Для него необходимым и достаточным доказательством
существования бога была музыка.
Курт Воннегут*

Часть первая

Глава 1

Шумный, прорвавшийся сквозь густое марево июньской жары ливень обрушился на дерево за окном. Сразу пахнуло свежестью, настоящей на чем-то травяном, речном и северном. Широко распахнулись створки оконной рамы, надув парусами посеревший от пыли тюль занавесей. Они взлетели и поникли. Худенькие, почти детские ручки, ловко перебирающие черно-белые клавиши потока бравурной каденции, остановились на фальшивом аккорде.

– Ну вот, приехали, – рассмеялся учитель. Он подошел к окну и застыл, слушая дождь. Труба водостока утробно урчала в басах, капли рассыпались причудливым ритмом по железному козырьку подоконника. Его пальцы дернулись, забарабанили в такт. Он всегда что-то выстукивал. Его широкая спина заполнила оконный проем. Собранные в хвост и перетянутые резинкой длинные волосы, мятые джинсы, отвисшие на тощем заду. В нем все раздражало Лизу: скрипучий голос, дурацкая манера барабанить пальцами и стучать ногой. Она в растерянности поглядывала на раскрытые ноты и не знала, с какого места лучше начать. Часы на стене показывали, что урок закончился десять минут назад. Ей хотелось пить. Она обернулась к столу, где стоял графин с водой, но в это время учитель встал за спиной и, дыша в затылок, потянулся к роялю. Лиза сжалась. Он завис над ней, как коршун. Ее острые лопатки упирались в учительский живот, а перед глазами скачущим галопом пролетали триоли и закручивались трели. Она думала о том, что нет ничего противнее, чем эта музыка, высекаемая из рояля и разлетающаяся во все стороны, как искры от точильного камня. У ее покойной учительницы была другая манера – руки плескались в звуках, разбрызгивая легкое стаккато, а этот – как гвозди вколачивает.

Захотелось под душ или дождь. Наверняка он уже унюхал противный запах ее подмышек! Какое свинство так наваливаться, и вообще, урок закончен! Она заерзала на стуле, отодвигаясь в сторону, и подняла голову. Плохо выбритый подбородок учителя находился на уровне ее лба, а взгляд проник под отвисший ворот Лизиной майки. Глаза были чужие, без веселого прищура, пустые и как будто немного злые. Учитель снял руки с клавиатуры и отошел к окну.

– Ну что, Целякович, плохо наше дело, до экзамена меньше недели, а программа сырая. Фальшивим, сбиваемся. Что делать будем?

На последней фразе он с раздражением захлопнул ставни, Лиза вздрогнула. В носу защекотало, и слезы потекли по щекам так же бурно, как по оконному стеклу дождевые струи.

– А слезами ты вступительную комиссию не разжалобишь. Сама знаешь, какой конкурс. В общем, так, завтра опять придешь. Этюд – в медленном темпе, крепкими пальцами. А эти порхания по клавишам забудь. Знаю, что Эдуардовна так учила, кстати, чтоб ты знала, и меня тоже, но не всем ее штучки удаются. Она от бога получила, а нам самим добывать. Не реви, иди работай.

Лиза дрожащими руками закрыла ноты и отлепилась от стула.

Глотая слезы, медленно поплелась к двери, но учитель остановил.

– Лиза, – его голос прозвучал издалека, извинительно мягко. – Подожди, так нельзя, так ничего у тебя не получится. Сядь, поговорим.

Она стояла, держась за ручку двери. Ее коротенькая юбка измялась, перекрутилась и не могла прикрыть розовые пятна на узких бедрах, проступившие от долгого сидения на твердом стуле. На склоненной шее сквозь тонкую смуглую кожицу выступали бугорки позвонков. Паша Хлебников, он же Павел Сергеевич, учитель музыкальной спецшколы, отличный пианист и подающий надежды композитор, вздохнул и хрустнул костяшками пальцев.

– Ты пойми, – он пытался нащупать правильную интонацию, – невозможно играть зажатými руками, так же как танцевать зажатým телом. Нельзя только думать и запоминать, надо чувствовать. Нет ничего чувственней музыки. Ее природа – это текучесть и ритм. Ты слышишь дождь? А дерево? Вот, к примеру, пауза – тишина, но в ней тоже ритм, ты должна ее слышать. В тишине – нерожденные звуки и голоса, которые станут музыкой, их много, но самый главный – твой. Ты должна им владеть. Должна разжалобить, утешить, позвать за собой. А если не почувствовала, как сможешь? Вот когда тебе больно, ты кричишь. Когда расплакалась, жалостливо так звучишь. А тебе страсть надо сыграть, любовь, безумие любви. Тебе скоро будет шестнадцать, ведь так?

– Осенью, – буркнула нехотя Лиза.

– Извини, можно я спрошу тебя об одной вещи, только не обижайся. Это очень важно для нас сейчас. Я имею в виду, был ли у тебя уже мальчик? Влюблялась ли, целовалась?

Паша возбужденно ходил из угла в угол. Лизины щеки высохли, а уши покраснели. Она не знала, как правильно ответить. Мальчик был, но не целовались, ей даже попробовать не хотелось. Вообще, когда к ней кто-нибудь слишком близко подходил, она старалась отступить подальше. И мама всегда обижалась, когда Лиза ужом выскальзывала из объятий. Не нравились ей фильмы и книжки про любовь, а больше всего раздражало то, что сама она стала притягивать взгляды мальчиков и мужчин. Их взгляды прилипали, как мухи на липкую ленту. Уже так обсидели, места свободного не осталось. Вот и сегодня учитель ведь тоже не просто так смотрел. Лиза подумала и решила, что врать не будет.

– Мне не нравится целоваться. И когда на меня смотрят, тоже не нравится.

Павел Сергеевич улыбнулся. Напряжение, висевшее в духоте класса, вдруг лопнуло, грохотнув грозным раскатом. Лиза вздрогнула и подняла испуганные глаза.

«А как же на тебя не смотреть, на красоту такую, – подумал Паша. – Это все равно как на листок, из почки вылупившийся, липкий, нежно-зеленый, еще не расправившийся и до жути нежный, не смотреть. Кто запретит?»

– Знаешь, я понял. Будем учиться чувствовать и любить. Начнем с тебя самой. Задание первое: запиши свое исполнение на кассету, встань перед зеркалом. Слушай и фантазируй. Ты птица, ты кошка, растение, вода. Иди за музыкой, разденься, старайся повторить телом ритм, движение фразы. Ласкай себя, а если в музыке боль, щипай, царапай. Танцуй, прыгай, лежи, отдыхай и люби, люби...

Павел Сергеевич поперхнулся, закашлялся, а потом преувеличенно строго добавил:

– Все поняла? Иди работай. Завтра в три.

Лиза с радостью выскочила из класса и перевела дыхание. Как жаль, что Майя Эдуардовна умерла, не доведя ее до поступления в консерваторию. Теперь вот с этим припадоч-

ным мучиться. Все ему не так, все наоборот, а ведь Лиза считалась самой талантливой в классе. Поступила, еще шести не было, а теперь десятилетку оканчивала в неполных шестнадцать, сдав, кстати, все другие, не музыкальные дисциплины, тоже на пятерки. Приемную комиссию фортепианного отделения консерватории возглавлял профессор Анисов – известный пианист и композитор. Павел Хлебников оканчивал у него аспирантуру. Говорили, профессор души не чаял в своем ученике и вообще чуть ли не сыном его называл, а это означало, что абитуриенты от Хлебникова для Анисова вроде как внучата. Лизина мама считала, что они поймали птицу удачи за хвост, когда Хлебников, прослушав Лизу, согласился готовить ее для поступления.

Вот только Лизе так не казалось. Павел был не похож на других учителей. Многим ученикам это нравилось, но только не Лизе. Он часто наигрывал какую-то дикую музыку, мотая головой и топая ногами, как лошадь. Лиза не раз слышала от ребят, что учитель – интересный композитор, поэтому пошла на его концерт. Там ей стало по-настоящему плохо. Голова раскалывалась, в горле стоял ком, мутило, хотелось выскочить из зала, что она в конце концов и сделала. Не могла больше слышать, как страдает рояль. Она расплакалась, когда увидела, что учитель, запустив руку в нутро инструмента, шарит по струнам и дергает их, как больные зубы. Это все называлось современной музыкой.

Потом, на следующий день, за завтраком, мама пыталась выяснить, как прошел концерт. Было начало лета, на столе лежал первый в этом году парниковый огурец. Он был нарезан тонкими ломтиками. Лиза положила кусочек в рот и медленно жевала, собирая слюну и втягивая воздух, чтобы почувствовать его свежий огуречный дух. Она закрыла глаза. Говорить не хотелось, но она знала, что мама не отстанет. Вдруг радиоточка зашелестела скрипочками моцартовской «Маленькой ночной серенады», и это было так хорошо! Первый летний огурец и Моцарт! Она опять заплакала, теперь уже от счастья. Мама всполошилась. Что происходит? По любому поводу слезы, но сама и ответила – переходный возраст, что поделаешь.

Но переходный возраст не затронул Лизину душу. Там еще царило детство классики. Это потом она заскучает от размеренности и предсказуемости гармонии, погружаясь в атональные безумства модернистов. Но пока, дожевывая огурец, она рассказала, как измучилась, не только слушая, но и занимаясь с новым учителем. Она жаловалась, что не понимает его, что все время находится в напряжении и страхе. Он всегда вроде шутит, но как-то странно. Говорит, что Лиза сухарь и ничего не чувствует, а вот Майя Эдуардовна считала ее очень эмоциональной. Мама пропустила мимо ушей жалобы и еще раз напомнила, чей ученик Хлебников.

– Ты должна в рот ему заглядывать, делать все, что скажет, если хочешь поступить. А вдруг он заметил, что ты из зала вышла? Ну неужели досидеть не могла! Все же ученики досидели. Подумаешь, струны драл. Ты, Лиза, поосторожней, а то плакала твоя консерватория. Вот на конкурс он тебя не послал, помнишь? Значит, в тебе дело. Вместо того чтобы с книжками на диване валяться, можно еще поиграть.

Лизины глаза опять наполнились слезами.

– Ма, я ведь по шесть часов играю, при чем тут книжки? Просто в классе я сбиваюсь. Это все из-за него. Я играю, а он в спину смотрит. Чувствую, что смеется, все время смеется. У меня руки дрожат и мокнут. Господи, что будет! – и Лиза, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

Мама вздохнула и повела дочь умываться. Надо было успокоить девочку и усадить за пианино. Сейчас самым важным было не потерять время и проконтролировать процесс ежедневной работы. Нельзя сказать, чтобы Лиза ленилась, просто быстро уставала.

Как поступит, хорошо бы ее к врачам сводить и на дачу отправить, к морю поближе, решила Вера. Худенькая она у меня, а за последний год как вымахала! Пальчики тонюсень-

кие. Майя Эдуардовна говорила, что ее мизинчик с черных клавиш соскакивает, слабенький. Эх, не жрет ничего! Вот массы и не хватает. А попа – это ж кости одни! На такой долго не усидишь, а как без нее, без усидчивости. Вот у Майи задница аж со стула свисала, – конечно, та могла и по десять часов не вставать.

Вера Николаевна, завмаг овощного магазина, имела свои представления о секрете успеха того или иного исполнителя. Музыка она любила послушать и на концерт хороший сходить, особенно если билеты народ расхватывал и в программе значилась знаменитость – певец или певица. Просто так – «на сухую», без песен, ей было скучновато. Главное, вовремя узнать, кто да что, а билеты ей в кабинет приносили. Лизу с пяти лет и в филармонию, и в концертный зал водила, а когда дочка в музыкальную спецшколу по сумасшедшему конкурсу прошла, так вообще всю жизнь свою этой музыке отдала. Только она знает, чего это стоило. Это сейчас завмаг, а раньше на складе овощном капусту перебирала, но из кожи вон лезла, а за уроки платила. И помочь было некому – мать-одиночка.

Бог, правда, послал ей святую женщину – Асю Марковну, дальнюю родственницу Лизино отца. Если бы не она, вряд ли удалось бы всю эту «музыку» вытянуть. Отца Лизка так и не увидела. Он погиб до ее рождения. Вера сказала, что разбился он на Владикавказской дороге из-за погодных условий. А правда была в том, что артисты всю ночь водку трескали, а на следующий день спешили на место очередного выступления и сорвались на серпантине. По санаториям гастролировали. За рулем был заслуженный тенор, а рядом – аккомпаниатор Семен Целякович. Сема был пианист так себе, но со слуха играл все, что захочешь. Особенно ему удавался репертуар модного в то время эстрадного певца Валерия Ободзинского. Людям нравилось. Семен вплетал одну мелодию в другую, создавая попури из знакомых песен, но с выкрутасами: то тебе румба с фокстротом, то чарльстон или вальс. И это все с закидыванием головы, с закатыванием глаз! Или, наоборот, прицельно поглядывая на очередную жертву, облокотившуюся грудью на рояль, – в этот момент его пальцы непременно нащупывали мелодию популярной песни «Эти глаза напротив...». Бабы за Семеном табуном ходили.

С Верой он познакомился в шестьдесят восьмом. Семен играл на открытой площадке горсада. Она тогда ему букетик астр подарила, за то, что сыграл ее любимый фокстрот «Тишина». Вере тогда уже к тридцати подкатывало, а семейная жизнь все не складывалась. Почему – непонятно. Лицом, фигурой и характером Вера была просто создана для того, чтобы стать верной женой и подругой, – розовощекая, ладно сбитая, устойчивая, как табурет. Она крепко стояла на своих коротковатых ногах-бутылочках, а голова с русой «халой» гордо возвышалась над широким плечевым поясом и роскошным бюстом. Глянешь на такую женщину и понимаешь – на нее можно опереться. И хозяйка она была хорошая – ее вареники с вишнями таяли во рту, а скатерти и салфеточки, которыми она украшала свой быт в общежитии, отсвечивали прямо-таки арктической белизной, потому что умела она влить при полоскании сколько нужно синьки и крахмала, чтобы не переборщить и добиться легкой голубизны и гибкой твердости. Кроме всего этого, была в Вере особенная изюминка – редкий по красоте и тембру роскошный голос, но она его стеснялась. Никогда в полную силу не пела, даже в застольной компании, хотя все всегда просили: «Верунчик, а ну-ка, давай ты – запевай!» Она краснела, отнекивалась, но потом набирала воздуха в легкие, затягивала песню, и все затихали. После таких концертов мужички присаживались поближе и норовили стопочку «освежить», но, как правило, сами наклюкивались и руки распускали. Не нравилось ей такое ухаживание. «Чего тянешь? – удивлялись подруги. – Таксиста ждешь?» – подсмеивались они, после того как Вера сходила с ними на фильм «Три тополя на Плющихе». «Ты учти, – говорили они, – актриса Доронина может песни петь – у нее муж, семья, а у тебя – ничего, даже квартиры в городе нет. Замуж тебе надо за человека с жилплощадью».

А в голове у Веры все крутились песня «Нежность» и мысли про то, что одиночество бывает и замужем, как в том фильме, да и у некоторых Вериных подруг, которые маялись с мужьями без единого ласкового слова за всю жизнь. Песню «Нежность» она переписала в специальную тетрадку для любимых песен и выучила наизусть. Старалась петь, как Майя Кристалинская или как Татьяна Доронина. И так и так получалось хорошо, только решила при этом в зеркало не смотреть. Вере казалось, что ее простоватое лицо и нос картошкой мешают песне – как-то несерьезно и некрасиво выходит, а вот если не смотреть, а только слушать, то можно запросто со знаменитыми певицами перепутать.

Когда она с Семеном познакомилась, то он поверх ее головы – на Ляльку Шубину загляделся. Ляля была соседкой по комнате в общежитии торгового техникума. Черноволосая, чернобровая, цыганистая. Они обе поднялись на эстраду, чтобы пианисту цветы вручить. Вера букетик протягивает, а он Ляльке спасибо говорит и глаз с той не сводит. И шепчет скороговоркой: «Вы не уходите после концерта, я за вами спущусь. За кулисы пойдем, там у нас стол накрыт. У меня день рождения, посидим, гостями будете».

Вере захотелось уйти, но Ляльку оставлять было не по-товарищески. Осталась и, как оказалось, не зря. После пары выпитых рюмок Семен сел к роялю и заиграл «коронку» про глаза напротив, а Лялька давай Веру теребить: «Спой, ты чего? Пусть знают наших». Вера попросила «Нежность», Семен подыграл. Она хотела спеть, как Кристалинская, но получилось как-то по-другому, по-своему. Семен и все, кто там был, зааплодировали, закричали «Браво!» и потребовали еще песен. Она пела, а он играл до глубокой ночи. Они смотрели друг на друга – ей казалось, что Семен брови хмурит, как тот таксист из фильма, а Семен с каждой новой песней влюблялся все сильнее. С того вечера они почти не расставались. Семен утверждал, что Вера талант-самородок и ей надо учиться, бросить торговлю, овощную базу, сесть за нотную грамоту и поступать в консерваторию. Обещал во всем помочь. Вера никак не могла понять: влюбилась ли она в Семена по-настоящему или ей только так кажется. Совсем не таким она представляла своего будущего мужа. Этот, неожиданно повернувшийся, много пил, много говорил и сорил деньгами. Что касается Семена, он не задавал себе таких вопросов: любит – не любит. Жену свою вообще никак не представлял и поэтому решил, что Вера – самое то. Ему нравилось всем рассказывать о ней, как о чуде, и таскать по друзьям, заставляя петь. Вера не противилась и пела в полный голос. Вскоре он предложил ей сойтись.

Жил он у своей дальней родственницы Аси Марковны Ковач, которая прописала его на своих 35 метрах коммунальной квартиры. Занимал он маленькую комнатку, бывшую раньше смотровой и являющуюся продолжением кабинета знаменитого врача-офтальмолога. В комнате не было окна, что правильно для проверок зрения, но никак не для жизни. Знаменитого глазного доктора расстреляли еще в Гражданскую за укрывательство «белых» офицеров, а большой дом, в котором была его частная клиника, разбили на несколько квартир с одной общей кухней и больничным сортиром на две дырки в полу. Ася Марковна была единственной оставшейся в живых дочерью доктора и приходилась Семену Целяковичу двоюродной теткой. Больше родственных связей в этом когда-то большом семейном клане не сохранилось. Ася и Семен оказались крайними.

Он привел Веру к Асе Марковне и представил ее как невесту. Ася Марковна, семидесятилетняя энергичная женщина, в прошлом акушер-гинеколог, через добрые руки которой прошли сотни младенцев, своих детей не имела, а Семена опекала с того момента, когда он появился на пороге с нотной папкой, чемоданчиком и семейным альбомом. Про существование тети Аси он узнал от мамы, которая рассказала перед смертью о разрыве отношений с «неблагонадежным» семейством доктора. Мама Семена раскаялась, что прекратила всякие контакты с Асей много лет назад из-за элементарного страха, который и сейчас не прошел. Зная, что сыну предстоит командировка в их родной город, она написала письмо

и попросила Сему передать его лично Асе в руки. Поездка несколько раз откладывалась, а когда состоялась, Семен просто забыл о письме, и пришлось соврать, что Асю Марковну не нашел. Так по его вине мама ушла на тот свет, не покаившись и не испросив прощения. После похорон Семен появился на пороге Асиной квартиры. Тетка рыдала, читая письмо, потом поила чаем с коржиками, потом предложила заночевать, а на следующий день всеми силами пыталась удержать собравшегося в обратную дорогу двоюродного племянника. Ася сделала все, чтобы его не отпустить. Она сочла, что только в их музыкальном городе может развиваться талант начинающего пианиста. Жизнь в райцентре и работа в сельском клубе – не для него. По ее просьбе администратор местной филармонии – отец двойняшек, роды которых когда-то «по благу» принимала Ася Марковна, уговорил начальство взять Семена в штат аккомпаниатором. Ася Марковна лихо провернула и прописку Семена на своей жилплощади. Ася никогда не пожалела о своем решении, даже когда у Семена начинались запои. Ей хотелось женить его и дожидаться деток. Вдвоем с будущей женой, считала она, будет легче бороться с его недостатками.

Когда Семен привел Веру, Ася Марковна профессиональным взглядом отметила ее крепкое сложение и осталась довольна. Вера хорошо помнила, как была удивлена, что двоюродная тетка Семена с ходу предложила им переехать в большую комнату, бывший отцовский кабинет, а сама собиралась перебраться в «смотровую».

Может, не случись такого горя, все бы так и произошло – они бы с Семой поженились и жили все вместе, но он часто срывался и пил страшно, а между срывами – без законных «ста грамм» по пять раз на день не обходилось. Муж-алкоголик – это ж кому такое счастье надо?! Вера не торопилась переезжать, как Ася ее ни уговаривала. Больше года они то сходились, то расходились, а Семен все жаловался и пытался Вере объяснить, что на трезвую голову по клавишам не попадает, что страх на него находит перед черно-белыми рядами и он забывает, какая клавиша как звучит. Надо не думать, а если задумался – все, кранты. Вера его жалела, но несмотря на уловки и ухищрения Аси Марковны, согласилась узаконить отношения только при условии, что Семен пойдет лечиться. Он поклялся, что зашьется, последний раз откатав на всю катушку: денег заработает, обручальные кольца купит – и завяжет. В общем, уехал на гастроли на два месяца. Через месяц Вера поняла, что беременна, а за пару дней до возвращения Семена, позвонили из филармонии и сообщили, что он разбился. В этот же день, буквально через пару часов после страшного сообщения, почтальон принесла Асе Марковне телеграмму от Семена. В ней значились дата и время приезда и слова про то, что соскучился, что любит дорогих Асеньку и Верочку и крепко целует.

Вера никак не могла принять тот факт, что телеграмма просто задержалась. Ей казалось, что Семен выжил в этой страшной аварии и тут же телеграфировал.

До сих пор, спустя шестнадцать лет, в коробке от польских конфет, где лежат паспорта, квитанции, свидетельства о рождении и смерти, у нее хранится тот замусоленный листок. На нем едва различимы слова, смытые потоком слез Веры и Аси Марковны. Тогда она стояла, держа его в дрожащих руках, и кричала, что все-все перепутали, что Семен жив и надо ехать его встречать.

О беременности своей Вера никому не рассказывала, но начавшийся на девятой неделе токсикоз очень быстро прояснил Асе Марковне картину. Она приехала за Верой в общежитие и забрала ее к себе. Вечером они уже сидели за столом, покрытым жаккардовой скатертью, на которой стояла когда-то початая Семеном бутылка водки и телеграмма. Они пили, плакали и поминали Семена. Ася Марковна, резко сдавшая после гибели Семена, теперь опять прибодрилась и с робкой радостью поглядывала на пополневшую Веру.

Много раз в своей жизни Вера Николаевна задавала себе один и тот же вопрос: «А так уж важно для женщины быть при муже?» Одной жить, конечно, плохо, но для того и дети,

чтобы не быть одной. Мать-одиночка – тяжкий труд, и хорошо, когда есть кто-то рядом. Этот кто-то может быть и не мужем вовсе и даже не мужчиной. Если бы не Ася Марковна, то они бы с Лизкой одни загнулись в городе либо пришлось в деревню к родне возвращаться. Оно, конечно, можно было и в райцентре Лизу музыке учить, но не так, совсем не так. Вера любила сравнение с губкой, которой она протирала прилавок, – розовая такая, мягкая, чистая, а грязь как быстро впитывает! – вот так и душа детская. К чему эту губку приложишь, тем и пропитается. Вера считала, что Ася Марковна, с первого дня появления Лизы на свет, заботилась о той самой чистоте среды, в которой жила девочка.

Лиза родилась вовремя, как по часам, и роды прошли без осложнений. Конечно, Ася Марковна не могла допустить, чтобы их принимал кто угодно, и поэтому договорилась со старым приятелем – хорошим врачом. Сама Ася тоже была по дружбе допущена к тайнству и увидела даже раньше Веры сначала черноволосую головку, а потом всю целиком некрупную, аккуратную девочку с длинными пальцами на руках и ногах. Имя для девочки Вера не подготавливала, будучи уверенной, что носит мальчика, называя его Семушкой, поэтому предложение Аси назвать девочку Елизаветой, в честь матери Семена, она приняла без возражений.

Их жизнь на небольшой площади Асиного жилья закрутилась вокруг девочки и удивительным образом расширила пространство домашнего мира. Вера вскоре вышла на работу и стала добытчиком в семье. Растить ребенка на Асину пенсию и на копеечное пособие для матерей-одиночек было невозможно. Ася Марковна взяла на себя сразу две роли – няни и бабушки. По вечерам, когда с работы еле живая приползала Вера, «бабушка» помогала купать ребенка и укладывать его спать, а по утрам, когда Вера уходила, весь груз забот ложился на Асины плечи. Лиза то ли благодаря грамотному уходу Аси, то ли просто своему характеру росла довольно дисциплинированной девочкой. Очень рано стало ясно, что память у нее замечательная, она обожает стихи и песенки. Ася поражалась, как можно запомнить с одного раза тот стихотворный бред, что печатался в детских книжках.

– Честное слово, – говорила тетка, – Лизку можно в цирке показывать! Запоминает сразу и точь-в-точь. А я боялась, что ничего хорошего из Семкиных проспиртованных сперматозоидов не выйдет. И тут на тебе, такая умница!

Когда Лиза подросла и пошла в детский сад, то старушка музработник на первом же утреннике поручила ей сольный номер. Лизочка чистенько пела и с лету, так же как стихи, запоминала любую мелодию. Надо было учить, надо было покупать пианино. Конечно, Вера могла этого не делать, но, во-первых, на этом настаивала Ася, и, во-вторых, она не могла забыть тот вечер, когда пять лет назад, на освещенной ракушке эстрады появился черноволосый красавец пианист. Белая манишка фрака, белые манжеты, фосфоресцирующие в сиреновом сумраке. Он сел к роялю. Взлетели и опустились руки, закапали звуки, и вдруг на свет ramпы налетело облако ночных мотыльков. Они кружились над сценой, над роялем, а пианист, казалось, был с ними заодно, и пальцы его тоже легко перелетали с ноты на ноту. Лиза получила его копией – с ладошками-крылышками. В общем, все, что в доме было ценного, – Асину панификсовую шубу, дутое золотое кольцо, две серебряные ложки и Верин обеденный сервиз – женщины отнесли в ломбард. Ася Марковна сговорила о цене с одной полковницей. У той уже десять лет пылилось уставленное слониками и накрытое салфетками немецкое пианино, а теперь полковника направляли в Казахстан. Тащить тяжелый инструмент в такую даль им не хотелось. Никто на нем не играл, и полковница была счастлива распрощаться с ним за не очень большие деньги.

Глава 2

Лиза помнила этот день, когда во двор въехал грузовик, в кузове которого стояло что-то закутанное мешками и напоминающее очертанием дом. Лиза сидела на подоконнике и увидела, как выскочили мама и Ася, как они забегали вокруг машины, как два мужика обмотались веревками и потянули. Когда пианино наконец втиснули в комнату и сорвали мешки, Лиза наткнулась на свое отражение в его черном лакированном боку – съехавший набок бант, открытый рот и перепуганные глаза. Так встречаются судьбу. В ту ночь она попросилась к маме в постель, в темноте пианино казалось еще страшнее, особенно белеющие в темноте зубы клавиш и массивные лапы подсвечников.

Много лет спустя, прикасаясь к разбитым клавиатурам школьных роялей и к чутким клавишам их концертных собратьев, Лиза всегда старалась найти то ощущение полного слияния с инструментом, которое возникало при игре на ее стареньком, глуховатом «Шредере». И когда это случалось, возникала та самая почти одушевленная интонация, которая, казалось, не может родиться в деревянном чреве, заполненном войлочными молотками и железными струнами.

Самой первой Лизиной учительницей музыки, стала Ася Марковна, которую в детстве учили играть на фортепиано вместе со старшими сестрами. С тех пор у нее сохранилось почти мистическое отношение к музыкальным способностям, коих, как выяснилось, у нее не оказалось. Нинэль, старшая сестра, поражала всех своей виртуозной игрой, средняя Эмма – тонкой музыкальностью, и только Асе бог запечатал уши. Учительница музыки, пожилая сухая немка, приносила на уроки ноты в красивых переплетах с тисненными золотом буквами «Collection Litolf», в которых были клавиры классической музыки всех уровней сложности. Сестры играли в четыре руки симфонии Моцарта и разучивали «Карнавал» Шумана, а несчастная Ася томила и потела от страха, что опять никак не сможет запомнить наизусть четыре строчки незамысловатой пьески для начинающих. Она с восхищением и подобострастием внимала игре учительницы и сестер и не понимала, что с ней не так и почему ноты, превращаясь в звуки, абсолютно не запоминаются и приходится все время думать, куда поставить палец. Ее аналитический ум пытался оптимизировать задачу, но ничего не получалось. После года мучений учительница музыки посоветовала родителям прекратить уроки с младшей девочкой, в музыкальном багаже которой остались навсегда только две пьески – «Кукольный вальс» неизвестного композитора и недоученная моцартовская «Колыбельная» в легком переложении.

После того как пианино, купленное для Лизы, было наконец задвинуто в угол между диваном и окном, пришел настройщик. Он легко прикоснулся к клавиатуре и удивил женщин страданием, отразившимся на его лице. Он предупредил, что работа предстоит большая и что неизвестно, как будет старый инструмент держать строй. Лиза выросла в пол, когда увидела великолепие фортепианного нутра, обнажившегося под снятой крышкой. Она пыталась воспроизвести голосом завораживающее гудение камертона, которым настройщик бил почему-то по собственной голове. Когда работа была закончена, мастер потребовал уйму денег, но нужной суммы у Веры и Аси не набралось. Настройщик выписал квитанцию на рассрочку и предупредил, что долг придется погасить в течение двух месяцев. Уходил он с подобревшим лицом. Пианино похвалили, сказав, что все немцы – фашисты, но венки не вяжут.

Асе Марковне не терпелось поскорее сыграть свой скудный репертуар и заинтересовать Лизу. Ей это удалось. От «Кукольного вальса» Лиза пришла в восторг. Она кружилась, подпрыгивала и просила играть еще и еще. С «Колыбельной» прошло все не так гладко:

слова Ася помнила, а вот как играть – забыла. Ей на помощь пришла Вера. Ухватив известную мелодию – «Спи, моя радость, усни» и сверяясь у Аси с текстом, в котором то ли птички, то ли рыбки затихали и засыпали, Вера красиво запела. После смерти Семена это случилось в первый раз. Лиза опять выросла в пол и открыла рот. Когда песня закончилась, она заревела и попросила еще. С этого дня каждый отход ко сну сопровождался «Колыбельной». Если мамы не было – пела сама Лиза. Но что особенно потрясло Асю, так это навязчивое стремление пятилетней Лизы сыграть мелодию колыбельной на пианино. Каждое утро она бежала к инструменту и просила поднять тяжелую крышку. Сначала Лиза приставала к Асе, чтобы та научила ее играть эту мелодию, но Ася, тыкая невпопад по клавишам, в конце концов признала свое бессилие. И тогда Лиза сама решила ее подобрать. Сначала она это сделала правой рукой, а потом добавила пару нот левой и гордо продемонстрировала результат. Ася умилилась и назвала Лизу «наш Моцарт». Хотя Лизе к тому времени едва исполнилось пять лет, Ася решила, что пора найти достойного педагога. Она вспомнила, что когда-то Семен просил ее помочь с родами одной милой барышне, которая была женой знаменитого скрипача. Ася Марковна, не откладывая, позвонила Маргарите Александровне – Риточке, и та ее сразу вспомнила. «Еще бы, – подумала Ася, – младенца руками из нее тащили, чуть не задохнулся, еле легкие прочистили. Теперь вот тоже играет, но не на скрипке – на трубе». После недолгой прелюдии вежливости Ася Марковна озвучила свою просьбу:

– Может ли Эмиль Юрьевич посмотреть на чудесного ребенка? Девочка пяти лет, моя племянница, зовут Лиза. У нее такой слух, что просто страшно! А память! Может, он ее возьмет в ученицы? Хотя мы уже купили пианино, но если маэстро скажет – скрипка, так будет скрипка.

Несмотря на нелепость Асиной просьбы, Маргарита Александровна не отмахнулась. Она объяснила, что великий скрипач с детьми не работает, но если девочка так одарена, то ее стоит показать в специальной школе-интернате, и пообещала, что сама устроит это прослушивание. Она предупредила, что конкурс большой и берут только самых одаренных. В том, что Лиза – самая-самая, Ася даже не сомневалась.

На первом своем экзамене Лиза не подкачала и понравилась комиссии. Сколько раз потом ей приходилось подходить именно к этому роялю, стоящему на небольшом возвышении в репетиционном классе. Но тогда она впервые увидела «опрокинутое» пианино, похожее на большой обеденный стол, и немного испугалась. Ей очень хотелось разглядеть его внутренности, и она пыталась встать на цыпочки, чтобы заглянуть под приподнятую крышку рояля. Ее спросили, почему она стоит на пальчиках, ведь тут не просят танцевать, и Лиза, не смущаясь, ответила, что ей хочется посмотреть, что там внутри. Кое-кто из комиссии даже сделал пометку: «Любознательна».

Наконец началась основная часть экзамена – проверка музыкальных данных. Учительница отворачивала Лизу спиной к роялю и нажимала клавишу, а Лизочка, повернувшись, безошибочно ее находила. Ей нравилась эта игра, она смеялась и просила это делать быстрее и быстрее. Она никак не могла понять, что тут может быть сложного – ведь все они звучат по-разному и сразу понятно, где какая. Учительница нажимала черные и белые клавиши во всех регистрах, и Лиза их находила. Когда попросили спеть, Лиза гордо объявила «Колыбельную» Моцарта и, качнув бантом, поставила руки на рояль. Она спела песню под собственный аккомпанемент, безмерно удивив педагогов необычными гармониями. Узнав, что девочку этому никто не учил, приняли в школу безоговорочно.

Так Лиза оказалась ученицей замечательной и добрейшей Майи Эдуардовны Светоградской, очень опытного и талантливого педагога. Светоградская, понимая, какой подарок ей преподнесла судьба, определив в ученицы маленькую Лизу, растила из нее хорошую пианистку, стараясь, как доктор, не навредить. Она не стремилась держать девочку в повышенной боевой готовности для всевозможных конкурсов, а давала возможность спокойно

развиваться и совершенствовать уникальный природный дар, помноженный на работоспособность увлеченного человека. Лиза могла просиживать по многу часов у инструмента только потому, что ей это нравилось и ничего другого в жизни не хотелось. Когда ей исполнилось пятнадцать, Лиза сразу потеряла двух самых важных людей из той части жизни, которая была связана с музыкой, а поскольку с музыкой в ее жизни было связано все, то можно сказать, что она почти осиротела. Первой умерла бабушка Ася, и сразу оскудел мир, в котором не стало постоянного слушателя, энтузиаста-меломана, развивающего свой музыкальный кругозор вместе с Лизой. А потом умерла Майя Эдуардовна, лишив Лизу не просто наставничества, но и ощущения правильности существования только в том пространстве, где существует один язык – язык нот. Безоблачное детство, наполненное любовью и предчувствием чудес, закончилось.

Глава 3

Как и было назначено, Лиза к трем пришла в класс. Учителя не было. Она потопталась у двери и уже собралась уходить, как заметила в конце коридора Натку Милькину. Она, видимо, только что отыграла у своей Старухи-Золотухи, так ученики прозвали старейшего профессора Римму Ивановну Золотко, и направлялась, как всегда, в буфет. Лизе очень не хотелось сейчас выслушивать Наткину болтовню, и она заскочила в класс. Не было уверенности, что Ната не заметила ее маневра, и точно, буквально через минуту черный глаз уставился на Лизу из приоткрытой двери.

– Ты чего, одна, что ли? Репетиция, да? А Хлебчик где? Ждешь его, да? – засыпала вопросами Натка.

Лиза кивнула и отмахнулась, мол, скройся, но подружка распахнула дверь и ввалилась в класс.

– Я посижу, пока твой не пришел, слушай, чего расскажу, – и Ната затараторила о какой-то ерунде вроде организации поездки на пароходе по случаю окончания школы.

Лиза слушала вполуха и листала ноты. Учителя она уже ждала как избавления. Он опоздал на пятнадцать минут. Зашел, когда Натка, сидя на его столе, вытащила из портфеля купленный у кого-то с рук новый купальник и пыталась продемонстрировать Лизе, как чудесно скроены трусики. Павел Сергеевич застыл в дверях, Лиза покраснела, а Натка, извинившись, сползла со стола, оставив на его полированной поверхности влажные следы. Она ящерицей шмыгнула в дверь, а Лиза плюхнулась на стул перед роялем, стараясь не смотреть на учителя, но в поднятой крышке заметила, как медленно, на одеревеневших ногах он подошел к столу, как растерянно, словно не зная, куда поставить портфель, остановился. Лиза начала разыгрываться на гаммах, наблюдая, как Павел Сергеевич возит носовым платком по тому месту, где только что сидела Натка. «Вытирает, – подумала Лиза, – можно подумать. Ишь какой брезгливый, и платок понюхал. Фу, дурак какой! Что она, специально, что ли. Жарко ведь, вот и вспотела». Больше Лизе в его сторону даже смотреть не хотелось.

На этот раз урок прошел спокойно. Хлебников сделал пару замечаний, но в целом остался доволен. Даже похвалил за умение собраться и закончить за пару дней то, что другие наверстывают месяцами. Павел любовался тем, как от его слов поднималась только что опущенная голова ученицы.

«Как у цветка, – подумал он, – вот и плечи наконец расправила и улыбнулась. А глаза, глазищи, надо ж, как горят. Ух, какой в ней вулкан кипит. Выпустить боится, себя боится, меня. Ноги дрожат, коленки склеила. Господи, до чего красива и талантлива! В том и беда... Хорошо, когда одно что-то, а так – разорвет ее в разные стороны. А как иначе, кто мимо такой спокойно пройдет? Домогаться будут, ответит... Разбудят, потом не остановишь. Это пока весь темперамент в клавиши вколачивает, а потом... А вдруг талант перетянет? И что, от всего отвернется, будет днями и ночами об аппликатуре и фразировке думать, да на кой ей это? Живи, девочка, люби... Головку свою хорошенькую держи высоко не потому, что старый дуралей похвалил тебя за усердие, а потому, что он сейчас подняться со стула не может от боли в паху».

Лиза о чем-то спросила, но он не расслышал, слишком шумно в голове колотились мысли. Окрыленная, она выпорхнула из класса и подумала, что Павел не такой уж противный. Да, требовательный, да, въедливый и ехидный, но справедливый, это уж точно.

Город плавился в июньской жаре, стекая к морю потоками изнуренных жителей и курортников. Паша продвигался против течения в центр, где жил с женой и тещей в двухкомнатной квартире. Дом был старый, даже старинный, с фамильными вензелями бывших вла-

дельцев – дворян Шапориных. Потолки там четырехметровые, окна полукруглые со ставнями. Паша с семьей жил в двух смежных комнатах. По узору затейливой лепнины потолка можно было легко догадаться, что стена разделила надвое чудесный зал, в котором отлично смотрелся бы Пашин рояль, ныне придвинутый почти вплотную к стене, дабы не мешать раскладывающемуся дивану. Рояль служил, по совместительству, столом и полкой для книг. Хорошо, что у тещи в комнате нашлось место для Муськиной виолончели.

Паша и Мария Хлебниковы поженились сразу после окончания музыкальной спецшколы, перед вступительными экзаменами в консерваторию. Дружили, потом любили, потом ссорились, расходились и сходились – и так без малого тридцать лет. Судьба, недолго мудрствуя, усадила их рядом за парту, потом подкинула дуэт, в который они вложили весь энтузиазм начинающих исполнителей, потом подарила победу на международном конкурсе и поездку в Хельсинки и в конце концов уложила в постель, после которой у Муси прекратились месячные. Ребята быстро поженились, перепуганные далеко идущими последствиями одной-единственной пьяненькой и веселой ночи, но, как потом оказалось, можно было не спешить. После свадьбы у Муськи наладился цикл, а вот когда действительно захотелось родить, ничего не получалось. У Муси оказалась недоразвитость всего того, что необходимо для нормального зачатия и вынашивания ребенка. Паша считал, что это – последствия общей недоразвитости, и умственной тоже. Муся росточком и весом смахивала на подростка и всю жизнь относилась к окружающему миру с юношеским максимализмом и негибимой принципиальностью. Пашу это раздражало, иногда просто бесило. Втихаря радуясь, что детей не расплодили, собирался уйти, но год за годом продолжал жить под одной крышей с двумя до смерти надоевшими женщинами.

Теща была разговорчивой и неутомимой активисткой. Паша с детских лет помнил, как она вечно ходила с тетрадкой и кошельком, взимая с родителей взносы на букеты для учителей по случаю концертов, дней рождения и похорон. Пока жив был Матвей Семенович, Муськин отец, в доме царил относительный покой. Мотя любил поспать, вкусно поесть, пригласить гостей. Он заведовал кафедрой хорового дирижирования в педагогическом институте и от природы обладал роскошным басом. Мог и октаву взять, то есть уйти глубоко вниз, но делал это редко, после чего жаловался: если бы не партийность и мать-еврейка, точно в церкви бы пел. Рядом с ним теща, Нина Антоновна, сбавляла обороты и старалась вести себя тише. Со смертью Матвея Семеновича нарушилась относительная гармония семейных отношений. Два визгливых сопрано абсолютно заглушили одинокий баритон, и Паша решил, что будет помалкивать до отъезда, а вот когда семья окажется за пределами родины, произнесет громко и отчетливо: «А не пошли бы вы, дорогие мои девушки, на хер».

Израильский вызов от дяди Левы, родного брата Матвея Семеновича, уже пришел. Предстояло оформление документов, а это означало потерю работы, вступление в полосу отчуждения, бумажной волокиты и унижений. Решили, что правильнее будет, если начнут все это после выпускных и вступительных экзаменов, чтобы ученикам не навредить. Но Паше казалось, что все вокруг все знают. Соседка по лестничной площадке заходила к теще за луковицей и подозрительно долго рассматривала их стеллажи в прихожей, даже замеряла пальцами расстояние до стены. Паше это очень не понравилось. У него состоялся суровый разговор с тещей, в процессе которого она всплескивала ручками, охала и брызгала на Пашу слюной: «Да как ты мог подумать! Да никому я не говорила! Что я, дура, что ли...» Относительно последнего Паша не сомневался – Нина Антоновна казалась ему воплощением глупости.

– Ну и что, если узнают, – пожимала плечами Муся, – пусть подавятся, мы больше не намерены жить в коммунистической тюрьме и пропагандировать принципы соцреализма в музыке.

Паша зверел:

– Меня от учеников отстранят! Тебе, конечно, на всех наплевать, весь твой струнный квартет, ой, ошибся, без тебя уже трио, наяривает «Хаву Нагилу» в каком-нибудь тель-авивском кабаке. А я должен детей перед поступлением бросить! Да одна Лизка чего стоит, как ее подставить? Анисов, думаешь, простит? Да никогда! Он в партии с черт знает какого года и меня в аспирантуру тащил, закрыв глаза на израильскую родню. А если узнают, первое, что сделают, – на учениках отыграются, вот увидишь.

– Чего ты орешь, можно подумать, что судьба твоей Целикович важнее нашей! Мы время тянем, а в любой момент может дверца захлопнуться, опять выпускать не будут, что тогда?

– Тут жить будем, музыку играть, писать и преподавать. Страна меняется, может, с этой перестройкой все будет не так, как раньше. Ты послушай, что говорят, хоть одним глазом в телевизор загляни. Неужели не видишь?

– Значит, ты ехать не хочешь? – Муся, прищулив глаз, смотрела на мужа, не скрывая злобы и презрения.

Паша замолчал. На самом деле он хотел уехать. Хотел, сколько себя помнил. А помнил с момента нестерпимого голода по ночам, наступавшего после детдомовских ужинов, съеденных быстро, пока старшие не отобрали, а то и не съеденных совсем, если замешкался. Гораздо позднее он понял, что принцип дедовщины – это закон пролетарского государства, единственный и непоколебимый. Если не прогибаешься, будь добр, получи на всю катушку. Хочешь защитить себя, свое достоинство – молодец, получи еще больше. Его родители перед началом войны были сосланы в Воркутинский лагерь, а через несколько лет после этой самой войны в лагере родился Пашка. Ни отец, ни мать не дожили до смерти вождя, погибли один за другим. Первым отец – от туберкулеза, а за ним, при странных обстоятельствах, мать. Официальная версия – самоубийство, но Паша не верил, мама никогда бы не оставила его одного. Люди поговаривали, что забил ее до смерти вертухай, за несговорчивость. Пашу перевели в интернат, а там ему первый раз в жизни повезло. Учитель пения, организовавший интернатский хор, заметил уникальные способности мальчика. Через год индивидуальных занятий шестилетний Паша переиграл все пьески из «Детского альбома» Чайковского и начал разучивать «Времена года».

Петр Ефимович, так звали учителя, поехал на родину под Полтаву. Он и повез мальчика на юг в знаменитую специализированную музыкальную школу, тоже интернат, где царили немного другие законы. Кормили получше, хотя и там были те, кто посильнее и старше. В этом интернате царил дух соревнования, но не всегда честного и объективного. Пашина музыкальная одаренность столкнулась с амбициями маленьких вундеркиндов, которых с упорством дрессировщиков натаскивали педагоги и родители. За светлое будущее знаменитых детей боролись их наставники, а обезумевшие мамы и папы готовы были затоптать любого, кто встанет на пути успеха их талантливых чад. Пашка, сирота, неведь откуда взявшийся, далеко не у всех вызывал восторг. По школе разнеслась весть о почти моцартовском чуде: Паша мог, единожды прослушав, запомнить и сыграть произведение, которое одноклассники разучивали месяцами. Еще он улавливал высоту любых звуков, даже не музыкальных. Чирикание воробья, мяуканье кошки, шлепанье капель о дно умывальника отзывались в его ушах и голове нотами. Его и специальными приборами проверяли. Приборы подтвердили – слышит шкалу обертонов до самого что ни на есть предельного дробления, и четверти тона, и дальше. Тем не менее вокруг не прекращались разговоры, что мальчик умственно отсталый, а его экстраординарные музыкальные способности – что-то вроде отклонения в развитии.

Учительница начальных классов была потрясена, что Паша не знает простых вещей. Например, он не узнает на картинках диких животных, не имеет представления, что такое

виноград и что за странный дырявый предмет положили мышке в мышеловку. Он не очень понимал, что делают звери в стишке про апельсин и как выглядит долька этого оранжевого шарика. Все в классе смеялись, кроме соседки по парте. Муся первая догадалась, что он просто всего этого в жизни не видел. Она рассказала маме и папе о странном мальчике, и они бросились его опекать. С одной стороны, это было замечательно, Пашка, наконец, попробовал уйму вкусных вещей, вроде тех самых винограда и апельсина. Но всякий раз ему хотелось, чтобы воскресенье скорее закончилось и эти хорошие люди отвели его в интернат. Так он и прожил почти тридцать лет в гостях. По дому скучал, только вот дома у него никогда не было.

Теперь и это место перестанет так называться. Там, куда они переедут, мечтал он, все будет по-другому, по-Пашиному. Наконец-то он уйдет. Поможет жене и теще на первых порах – и уйдет. Построит дом у моря, в котором будет много комнат и воздуха. Он окружит себя учениками, веселыми юными лицами, детьми, которые будут пахнуть соленым ветром, цветущими маслинами и солнцем. Нет сил терпеть запах сладковатой гнили, бьющий в нос из вечно приоткрытой двери тещиной комнаты. И Муся тоже начала попахивать душно, приторно, где-то у корней волос, ближе к шее. Даже если в постели от нее отвернуться, не помогает. Зачем она так нелепо подстриглась? Ей совсем не идут короткие волосы. Открылся валик холки, непонятно откуда взявшийся при ее худобе. В Муське за последние годы столько ненависти скопилось, вот даже сейчас мелко подрагивает от злобы. Губы поджала, пальцами побелевшими в стул вцепилась. Бедная, несчастная, как я тебя ненавижу...

Глава 4

Лиза стояла у зеркала, широко расставив ноги. Со стороны казалось, что она делает зарядку. Помахав руками, она опять прислушалась к звучанию музыки. Подумав, скорчила рожицу, потом нахмурилась. Учительский метод не работал. Оглянувшись на входную дверь, потянула молнию на сарафане. Поразмышляя, расстегнула лифчик и стянула трусики. Золотистая нагота, слегка подрумяненная летним загаром, вписалась в овал зеркальной рамы. Лиза прикрыла грудь ладонками и опять покосилась на дверь. Мамы не было дома, но вдруг она придет, заглянет. Стыдно-то как! Прошлепав босиком в сторону магнитофона, сделала музыку потише, чтобы не пропустить щелчок входного замка, и на цыпочках, высоко переступая, как будто через лужи, пробежала к зеркалу. Опять оно наполнилось ее отражением. И это было красиво, как на журнальной картинке. Солнышко облило медом волосы и плечи, казалось, что оно просвечивает сквозь тоненькую оболочку кожи, натянутой на хрупкие косточки. Лиза отвела руки от груди, выпустив наружу темные бугорки сосков. Они с любопытством уставились на нее, как два хитрых глаза. Лиза ущипнула их и рассмеялась. В музыке сложная полифония душила основной мотив, но он все же слабо пробивался через другие, сопутствующие темы.

По столешнице подзеркальника лениво ползла божья коровка. Лиза посадила ее на палец и направила в долгое путешествие вверх по руке. Красная капелька поползла по матовой синеве вен, едва заметной на внутренней стороне локтевого сгиба, по предплечью, остро изгибающемуся в бугорок плеча, и оттуда нырнула в неглубокую впадинку ключицы. Побарахтавшись там немного, выбралась и побежала быстро по мягкой округлости груди, к ее остренькому окончанию, напрягшемуся от приятной щекотки. Только секундочку жучок застыл на соске, потом, покрутившись, попытался продолжить свой бесцельный путь, но Лизин пальчик вернул его на прежнее место. Божья коровка не по своей воле крутилась опять и опять возле тугой пуговки, а девочка закрывала глаза от удовольствия.

Потом она пересаживала ее в щелочку пупка и подтолкнула к спуску по крутой дорожке, отвесно сбегающей в молоденькую поросль лобка, но добежать туда пятнистой исследовательнице так и не удалось. Лиза присела, стряхнула насекомое и свалилась на ковер, подтянув к животу коленки. Пальцами она нащупала точку пункта назначения, который так и не был достигнут божьей коровкой по Лизину нетерпению, и теперь сама, ерзая и нажимая, торопила горячую остроту и пустоту освобождения. Если бы она была в состоянии вслушаться в звуковой ряд, сопровождавший ее действия, то удивилась бы соответствию. Там тоже дело шло к кульминации, после которой неожиданно наступила бравурная кода. И там, и здесь все закончилось совсем не фальшиво. Лиза, полежав немного, встала, вынула кассету. Подошла к пианино, села, раскрыла ноты и в ту же минуту с грохотом захлопнула крышку.

Вечером, придя с работы, мама застала свою дочь в кровати, глубоко спящей. Странным было то, что Лиза, обычно трудно засыпающая даже к полуночи, заснула среди бела дня, да еще совсем голая. Оно, конечно, жара несусветная, но не заболела ли? Этого еще не хватало перед вступительными экзаменами.

Потрогала лоб, он был теплый и мокрый. Вера присела на кровати, разглядывая дочь. «Вытянулась-то как, – подумала она, – красивая, не в меня. Семкин нос, брови. Даром, что бабы по нему сохли. Теперь очередь моей девочки. Вот уж кто на мужиках отыграется». Лиза открыла еще ничего не видящие, сонные глаза, похожие на черные черешни, и медленно вернулась из сна на землю.

Пока мама разогревала ужин, девочка лениво поднялась с дивана и пошла в ванную, оказавшуюся свободной. Никто из обитателей их коммунальной квартиры в этот момент

не замачивал там белье, не мылся, не прятался с бутылкой или сигаретой. Лиза встала под душ. Слабенькие струйки прохладной воды сыпались на волосы и плечи. Лиза дрожала, как промокший под осенним дождем щенок. Горячую воду на лето отключали, да и холодная еле капала, а Лизе сейчас не помешало бы согреться. Она села на краешек эмалированной ванны и, закутавшись в полотенце, наблюдала за маленьким водоворотом у ее ног. Что-то похожее она только что видела. Лиза старалась выудить из памяти потерянный сон – там было хорошо, очень хорошо. Почему? Наконец вспомнила и тут же испугалась, словно кто-то мог подсмотреть, как она сидела там, у бурлящего ручья, не одна, а с учителем. Он поливал ее водой, нежно касаясь ее тела, а она раздвигала ноги, и ей очень хотелось, чтобы его рука оказалась именно там. Горячая испарина выступила на лбу, плечи вздрагивали. Она откинула голову, закусил губу, а мокрые пальчики уже скользили вниз по животу.

Как назло, именно в тот день, когда Лиза должна была играть вступительную программу, Пашу вызвали в ОВИР. Он провел там часа четыре, задыхаясь от вязкой духоты, пропитанной бумажной пылью, запахами плесени и мышиного помета. Выскочив на раскаленную, как сковородка, улицу и судорожно глотнув загустевший от выхлопных газов воздух, Паша почувствовал, что сердце насадили на крючок, а потом поддернули, чтобы не сорвалось. В руках он держал «бегунок» – бумажку, которая должна была окончательно подвести итог его нынешнему существованию. Увольнение, снятие с учета, жэк, библиотека, милиция... Он терял равновесие и тяжело облокотился на облезший платан. Сквозь листву простреливало надоедливое солнце. Точно такое же путалось в рваных сетях крон пыльных деревьев, растущих вокруг консерватории.

Лиза стояла под высоким каштаном и, шурясь, всматривалась во всех, кто заходил в звучащее, как оркестровая яма, здание, боясь пропустить учителя. Мама Вера толкалась уже где-то наверху, в коридорах, подслушивая, кто как играет и что говорят. Вера Николаевна нервничала и потела. Каждый, кто выходил с перекошенным лицом из зала, вызывал в ней радостный приступ сочувствия к уничтоженному конкуренту. Абитуриенты знали свои номера по списку, кто за кем играет. Лиза была последней. Уже почти все отыграли, оставались трое. Мама выскакивала на улицу и возбужденно сообщала результаты.

– Лизка, слушай, твой этюд девочка одна играла, ужас, медленно так, еле-еле. Ну где ж этот Паша, господи! Уже пару человек осталось. Может, наверх поднимешься? Ладно, стой здесь, я тебя кликну.

Надо было зайти внутрь, но Лизе даже думать не хотелось, что учитель может не прийти. С одной стороны, она освободится от взгляда в спину, но с другой – будет чувствовать себя незащищенной. Последнее время он, как насадка, кудахтал над ней, радовался, что открылись в ней чуткость и глубина. Его прикосновения перестали быть неприятными. Когда Павел ловил ее летящие в гамме руки, как сачком прикрывая их широкими, теплыми ладонями, она уже не вздрагивала, а послушно начинала пассаж сначала, стараясь четче работать пальчиками. Лизе даже нравилось, что он подсаживается с ней рядом на стул и они просто так, для удовольствия, импровизируют в четыре руки. Он придумал для их «разминок» простенький мотивчик, начинавшийся с восходящей кварты. Частенько именно с этого интервала начинаются мелодии гимнов. В ней призыв, импульс: «Вставай! Проснись!» Но потом, словно подсмеиваясь над собой, учитель внес в звукоряд нисходящий ряд хроматизмов, похожий на позевывание, поеживание и постепенное скатывание в сон. Раньше у нее не получалось играть музыку, которую никто не написал. Какой-нибудь простенький мотивчик, конечно, мог проскочить в голове, но свободный поиск гармоний, ритма, казалось, тормозился где-то на уровне носа. Руки застывали, уши не слышали. Павел совсем чуть-чуть подсказал, что-то наиграл, объяснил, но дело было в другом. Она освободилась от страха

ляпнуть не по той клавише или уйти в далекую тональность. Рядом был тот, кто вел за собой через немисливо звучащие варианты, заводясь, заигрываясь, подпрыгивая и прищелкивая языком. В конце концов он умудрялся, вымотав, выйти на уровень обоюдного и полного взаимопонимания, где уже не надо было задумываться, все происходило само собой. Они предчувствовали каждый следующий шаг, сдерживали себя, а порой, наоборот, торопили. Потом, после финального аккорда, оглушенные радостью случившегося чуда, уже неповторимого и мгновенно поблекшего, они тихо сидели рядом, слушая глухие удары сердец.

Она вздрогнула от маминого окрика: «Лизка, бегом, слышишь! Тебя зовут!» Взлетая по широкой мраморной лестнице, узнала от мамы, что предпоследний номер просто сошел с дистанции. У парня нервы не выдержали, он много раз сбивался, потом и вовсе остановился. Теперь сидит, ждет, вдруг его еще раз позовут. Шансы у него, конечно, минимальные.

Перед дверью в класс они затормозили, Вера суеверно поплевала на Лизу. Лиза набрала воздуха и нырнула в зал. Стараясь не смотреть в сторону приемной комиссии, поднялась на сцену. Услышала, как открылась и закрылась дверь. Кто-то вошел. Она точно знала, что это Паша. Она подняла руки, и они перестали дрожать, мгновенно согрелись и высохли. Еще минуту назад казалось, что мокрые, холодные пальцы просто соскользнут с клавиатуры, а теперь они мягко и звучно взяли первые звуки.

Из экзаменационного зала Лиза выпорхнула счастливой. Обычно экзаменуемый покидал зал под гробовое молчание комиссии, но Лизе кто-то сказал: «Браво!» Она не разобрала, кто именно, но было ясно, что сыграла хорошо. Теперь слово было за учителем. Ей хотелось в туалет, но она боялась отойти и прыгала возле пахнущей канифолью двери. Вера прислушивалась, пыталась подсмотреть в щелочку, но из зала не доносилось ни звука.

Наконец вышла секретарь и сказала, что утром будут вывешены списки тех, кто допущен к следующим экзаменам. За ней вышел Хлебников с чужим, скучным лицом. Лиза чуть не разревелась! Паша улыбнулся дрожащей от возбуждения, переступающей с ноги на ногу ученице. Он погладил ее, как маленькую, по голове и сказал, обращаясь к Вере Николаевне:

– Повезло вам с дочкой, а мне с ученицей. Все, теперь все... Пришла пора расставаться.

Он прямо на глазах осунулся, даже постарел. Вера Николаевна всполошилась:

– Да вы что такое, Павел Сергеевич, говорите! Вы же в аспирантуре, вы же учеников тоже берете, неужели вам Лизочку не дадут, если она поступит. Может, на композитора ее поучите. Она так к вам привязалась, просто с утра до вечера слышу Палсергеевич, Палсергеевич...

Лиза смутилась и попыталась остановить маму, но та не унималась.

– Вы понимаете, она к вам по-особенному, ведь без отца выросла. У нас и мужчин-то в доме не было, вы для нее, как папа, как мы без вас...

Паша смотрел поверх голов расстроенной матери и пунцовой от стыда ученицы.

– Уезжаю я, дорогие мои, уезжаю. Насовсем. Так что, как говорится, все, что мог...

– Лиза, – он задумчиво произнес, не глядя в ее сторону, – у тебя получится все, что захочешь, только правильно захоти, прислушайся к себе...

Лиза окаменела, потом развернулась и побежала к выходу. Нетвердыми ногами скатилась по ступенькам, толкнула тяжелую парадную дверь. Те, кому Лиза попадалась на пути, наверное, думали, что она провалила экзамен и поэтому так горько плачет.

Уже были сданы на пятерки все специальные дисциплины, оставались история и сочинение, а Лиза даже в руки книжки теперь не брала. Вера Николаевна измучилась от постоянной нервозности, даже заметно похудела. Скандальить с Лизкой не было никаких сил. Дочь заперлась в комнате без окна, на воздух не выходила, лежала, уставившись в потолок, почти

не ела и не разговаривала. Испугавшись не на шутку, что Лиза просто не пойдет сдавать дальше экзамены, Вера позвонила Хлебникову.

Паша пришел тем же вечером. За время вынужденного безделья он посвежел и загорел. Под смуглым крутым лбом отсвечивали морской глубиной глаза, а волосы он состриг и теперь выглядел намного моложе. Вера налила чаю, отрезала кусок вишневого пирога.

– Павел Сергеевич, на вас одна надежда, – слезно запричитала Вера, – совсем от рук отбилась, и кто бы мог подумать, что вредная такая. Никогда у меня с ней проблем не было. Ведь не сдаст, паршивка, экзамены, ведь не поступит, и что тогда? Может, вы как-то ей объясните, вас она точно послушает. Вы для нее авторитет.

– А что объяснять, – хлебнув чайку, равнодушно отреагировал Паша, – она сама должна в себе разобраться. Не захочет пианисткой стать, не станет. Самое главное, если она это вовремя почувствует. И хорошо, если сейчас.

– Ну что вы такое говорите! – всполошилась Вера. – Кому ж, как не ей, в консерватории учиться, вы же сами говорили, что талант у нее и что хлопотали вместе с деканом, чтобы ее вообще к поступлению допустили, несмотря на возраст, а теперь вот...

– Талант, способности, это все пустое, если нет одержимости. А вот это уже только временем и характером проверяется. Искра божья не разгорится в пустоте. А знаете ли вы, как от этого огня больно бывает, как выжигает он все внутри. Вы же хотите видеть ее счастливой, так дайте решить самой. Собственно, как бы мы все, и она в том числе, ни решали, жизнь возьмет свое. Что суждено, то будет.

Паша поглядел на запертую в комнату дверь и тихо спросил:

– Лиза там?

Разочарованная поворотом разговора Вера Николаевна кивнула и хотела было позвать, но Паша остановил.

– Я сам, – сказал, направляясь к двери. Он постучал и негромко произнес: – Лиза, если хочешь, не открывай, но есть повод поговорить, может,пустишь?

Дверь распахнулась так быстро и резко, что Паша чуть не провалился внутрь комнаты. Лиза стояла в ночной сорочке с нечесаными волосами. Глаза и щеки горели, она потянула Павла за руку и захлопнула за ним дверь, прямо перед носом несчастной мамы.

Ее тело судорожно вздрагивало. Паша растерялся.

– Лиза, что случилось, ты что, заболела? – он попытался дотянуться до лба, но она ударила по руке.

– Не прикасайся ко мне, слышишь, не смей...

Павел Сергеевич отступил и с беспокойством всмотрелся в Лизино лицо. Он абсолютно не отреагировал на фамильярное «ты», были вещи куда серьезнее, например, ее агрессия, распухшие губы и безумный взгляд.

– Хорошо, хочешь, я уйду. А хочешь, сядем, поговорим.

Лиза вложила свою ледяную ладошку в его теплую, широкую и сильную ладонь и потянула к дивану. Натужно скрипнули пружины. Ее бедро прожигало Пашины потертые джинсы, но он не сдвинулся ни на сантиметр. Рядом они сидели часто, но так близко никогда. Лиза по-детски хлюпала носом и тихонько плакала, утирая кулачками глаза.

– Палсергеевич, как так? Вы уедете, а я... Ну, пожалуйста, не надо. Вы даже не знаете, что... Вы ну просто каждый день мне снится. Я без вас играть брошу, я знаю. Вы раньше совсем мне не нравились, все было не так, как я привыкла. Я старалась, очень старалась, чтобы вам понравилось, чтобы вы похвалили... Ненавижу, все ненавижу. От Баха просто тошнит. Когда думаю про эти вариации паршивые, кажется, сейчас вырвет, но вспомню, как вы меня останавливали и говорили: «Бах-тарарах» – и все проходит. Не подойду к роялю больше, вот увидите. Вы уедете – и все. Пожалуйста, не уезжайте...

Паша отвернулся к окну, стараясь отделаться от спазма в носоглотке.

– Права не имеешь, – выдохнул он и понял, что откровенного разговора не выйдет, что сейчас он начнет втолковывать этой бедной девочке прописные истины. Он скажет, что надо много работать, думать, искать. Забыть себя, друзей, маму, забыть про вечеринки и мальчиков и по-настоящему хотеть только одного – достичь совершенства. А потом пойти дальше и через безупречность мастерства дотянуться до небрежности гения, если генетика позволит и бог не пошутит.

Но сформулировать не удалось. Лиза прилипла воспаленными губами к его рту. Никогда Паша не чувствовал, что все жидкости его немолодого организма движутся, нарушая законы физики и физиологии. Они устремляются вверх, борясь с земным притяжением, они распирают артерии и вены, они пульсируют в голове и приводят к сильному слюно- и потоотделению и вот-вот извергнутся из предназначенного для этого отверстия, которое слишком мало, чтобы смочь вытолкнуть из тела такой мощный поток. В мозгу мелькнула дурацкая мысль, а вдруг то, что с ним иногда случалось во время домашнего секса или привычного онанизма, было вовсе не оргазмом, ведь жалуются же на это женщины. Вдруг он еще этого не испытал и сейчас наконец узнает...

Его руки уже задрали на ней рубашку и скользили по худеньким бедрам, а мозг сигнализировал устрашающее: «Не смей! Нельзя! Она ребенок!» Но он был уже не в силах оттолкнуть ее...

Паша взвыл от неожиданно очень болезненной и от этого невероятно сладкой судороги в паху. Голубенький, в мелкий цветочек, треугольник Лизиных трусиков перестал ерзать по застегнутой молнии учительских джинсов. Лиза уже обмякла. Он приподнял ее голову, стараясь заглянуть в лицо, но она отвела глаза. Паша подхватил сидящую у него на коленях девочку на руки и усадил в постель. Она легла, отвернувшись к стене. Паша топтался рядом, не зная, что сказать. Присев на край кровати, провел рукой по Лизиным волосам, плечам. Хотелось лечь с ней рядом, баюкать, обнимать и обладать ею. От этих мыслей стало плохо. Он знал: все, что сейчас скажет, будет звучать фальшиво. Выдохнув, напомнил себе, что перед ним его ученица, и быстро вошел в образ.

– Лиза, – начал он почти шепотом, – все нормально, так бывает, то есть так должно быть. Ничего плохого в этом нет. Ты пойми, ты растешь, становишься женщиной, очень особенной женщиной. Одаренность – это твой крест. С этим непросто жить. Ты можешь, конечно, сейчас наплевать, но потом всю жизнь страдать будешь. Думаешь, я на сто процентов уверен, что ты должна сутками просиживать у рояля, особенно сейчас, когда все только начинается и вокруг столько чудесного, сладкого, радостного, например любовь? Но успех и слава тоже очень классные вещи. Когда тебе будет рукоплескать зал, будет еще острее, ярче, головокружительней. Я пойду, а ты постарайся собраться, открой учебники и сдай эти экзамены. Формально ты уже принята. Между нами, Анисов считает тебя вне конкуренции. Правда, сейчас ты лучше всех еще потому, что такая маленькая, а уже о-го-го... Твой потенциал – вот вопрос. Техника, профессионализм – все наживное, я говорю о силе духа, силе желаний.

Он пошел к двери и дрожащими руками повернул задвижку. Больше всего он боялся, что Вера Николаевна окажется за дверью и посмотрит ему в лицо своими острыми, как буравчики, глазами, ведь она могла подслушивать, подсматривать. Мало ли что ей могло прийти в голову!

Вера Николаевна отвела взгляд от экрана телевизора, вопросительно и умоляюще посмотрела на Пашу, как на хирурга, вышедшего из операционной. Он прошел к входной двери, по дороге бросив: «Все в порядке». Она, всплеснув руками, бросилась за ним вслед. Паша, быстро попрощавшись, выбежал на улицу.

Вечер навалился на город, приглушив звуки и краски. Острее запахло морем и клумбами, усаженными петунией и душистым табаком. Золотые шары фонарей выплывали из темных крон деревьев. Паша шел, не глядя под ноги, и считал светящиеся пятна плафонов. Он загадал: если нечет до конца аллеи, то Лиза, пусть не сейчас, а когда-нибудь потом, когда вырастет, выучится, придет к нему и станет его женщиной. Последний фонарь был двадцать первый, темный, разбитый, и он с трудом его заметил. До дома оставалось минуты три ходьбы, но Паша специально сворачивал в глухие улочки, натыкался на тупики и никак не мог отогнать зацепившее, как репейник, ощущение неотвратимой беды и одновременно с этим острого и невероятного счастья. В темноте он не разглядел невысокое проволочное ограждение, выставленное вокруг импровизированного огородика, и рухнул на вскопанную землю. Где-то совсем близко залаяла собака, как со сна, – лениво и коротко. Пахло морковной ботвой и навозом. Паша перевернулся на спину. Острый нож черного облака разрезал лунный блин, и маслянистый свет стекал с неба. Про блины он вспомнил не зря. Теща должна была к ужину напечь целую гору. Светло живот, то ли от голода, то ли от мысли про семейный ужин на тесной кухне за маленьким хлипким столом, когда по правую руку нависает тещин бюст, заправленный в засаленный фартук, а по левую – вытягиваются в трубочку Муськины губы, шумно засасывающие обжигающий чай. В этот момент хочется, не разжевывая, проглотить, что дали, и упасть на диван в соседней комнате, причем лицом к стене.

«Как странно устроен человек, – подумал Павел Сергеевич Хлебников, – какие-то блины, ужин, теща. Никогда в жизни ты не был так счастлив, никогда тебе не было так хорошо, так страшно, так громадно, велико, сладко, больно, так мучительно, нежно, тонко и внезапно, а ты лежишь в дерьме и думаешь про то же дерьмо. Но ты не во сне, не в своих фантазиях ласкал ее тельце, прижимался к ней, вдыхал ее. Как такое стало возможным? Что случилось? Губами потянулась, а уже хотела, всего хотела. А глаза как завела, как изогнулась вся перед концом, а потом резко распрямилась. Как ветка выгнутая из рук выскочила. Господи, прости! Не лиши разума. И не совращал я ее, думал, мечтал, да, но никогда бы сам не решился. Девочка моя, только не оттолкни. Может, завтра все по-другому разложится, ты постесняешься в мою сторону смотреть, а я без тебя теперь сдохну. А если их отправить в Израиль, а самому возле нее тут, рядышком?»

Паша неуклюже встал на четвереньки и высвободил запутавшуюся в проволоке ногу.

С порога на него визгливо заорала жена, а теща, поддакивая, ухала филином в сторонке. Паша прошел мимо них на кухню, засунул холодный блин в рот и, криво усмехнувшись, пробубнил с полным ртом:

– Хорош орать, надоело. Никуда не поеду, я так решил, а вы катитесь колбасой в свою Израйловку.

Муся не сразу поняла, что он несет, а когда дошло, затопала ногами и закричала как умалишенная. Паша захохотал и высунул язык. Раскинув самолетиком руки, он спланировал к роялю. Прогрохотав отрывочек из «Мефисто-вальса», подскочил и рухнул пузом на диван. Он смеялся и плакал, матерно ругался и громко пел. Женщины забились в кухню и, хлюпая носами, решили, что Пашка надрался, как свинья, что он свинья и есть.

Глава 5

В начале октября Хлебниковы уехали.

Все лето до отъезда Паша прожил в раздвоенном сознании, и жизнь его напоминала двусторчатый шкаф с витражами, который занимал половину их комнаты. Шкаф скрипел и разваливался, но цветные стеклышки не потеряли яркости. Когда распахивалась створка с изображением сценок из семейной жизни, наружу вываливался изъеденный молью тухлявый скарб, вперемешку с бумажными клочками нотариальных справок, доверенностей и квитанций, а плотно прикрытая дверца с лесной нимфой символизировала для Паши райский сад, куда попасть было невозможно.

Лизочка послушно сдала все экзамены и была принята в консерваторию. По поводу ее успешного поступления Вера Николаевна закатила шумный банкет в лучшем ресторане. На торжество был приглашен Паша с семьей, профессор Анисов, овощебаза и близкие друзья. Лизу наряжали и причесывали, как невесту. Вера настояла на воздушном кремовом платье с глубоким вырезом на спине. На плечи был наброшен газовый шарф и ему в тон подобраны перчатки и туфли. Черные локоны были собраны высоко на затылке и заколоты перламутровым гребнем, а на открывшейся длинной шее, смуглой и чуть изогнутой, красовалась тоненькая жемчужная ниточка – мамин подарок на поступление. Все заметили, что Лиза как-то сразу повзрослела и очень похорошела. Молчал только Паша, он отводил глаза и сосредоточенно накладывал салат в тарелки жены и тещи. Муся все время вскакивала и танцевала со всеми подряд знакомыми и незнакомыми мужчинами. Она говорила колкости, Лизку назвала кремовым пупсом, а ее маму Карабасихой.

В процессе очередной дикой пляски Муська сломала каблук и, утомившись, вышла покурить. Лиза пошла за ней следом. Этого никто не заметил, даже Паша, а потом, когда они вернулись, Муся заявила во всеуслышание, что теперь Лиза ее аккомпаниатор, что Пашу она с этой должности увольняет, а Лиза – прелесть, и они будут с ней дружить. Весь остаток вечера они провели вдвоем. Муся что-то возбужденно рассказывала Лизе, а Лиза внимательно и напряженно слушала. Паша с тревогой наблюдал за внезапно возникшей близостью двух женщин и понимал, что это неспроста. Как же удалось этой девочке так быстро расположить к себе его жену, умницу и злюку. «Что это? Зачем ей это, что задумала?» – спрашивал себя Паша. Очень скоро он получил ответы на эти вопросы.

Лиза стала часто бывать в их доме. Муська зазывала ее по поводу и без повода. Они действительно сели репетировать Сибелиуса, но играли меньше, чем шептались. Однажды он, вроде в шутку, поинтересовался, уж не о нем ли девушки толкуют, на что Муся сказала: «А то о ком же еще?» И добавила: «Мы тебя уже по косточкам разложили, а потом собрали, да что-то парочка осталась, не косточек, правда, а мягких мест, вроде как уже без надобности». Паша злился на Мусю, подозрительно косился на Лизу. Но, как ни странно, его все-таки радовало то, что его ученица, совершенно не скрывая, ищет любой предлог, чтобы с ним увидеться.

«Это что же, может, она в меня действительно влюбилась? – думал Паша, замирая от Лизочкиного голоса, смеха, но тут же гнал от себя наваждение. – Нет, не может быть, обычная гормональная болезнь роста, проходящая без особых осложнений для организма, как все болезни детского возраста».

Музыкальная общественность города была возбуждена предстоящими гастрольями «безумного француза», пианиста и композитора, последователя нововенской школы и родоначальника ультрамодного направления в современной музыке. Он ехал по приглашению

консерватории и самого Анисова. Поговаривали, что француз несколько дней проведет у Анисова на даче и особо приближенные к профессору смогут лично познакомиться и услышать «живую легенду». Паша, конечно, принадлежал к таким везунчикам, но Муся посеяла в его душу сомнение.

– И не надейся, – сказала она, попивая чаек. – Никто тебя на дачу не пригласит. Ты теперь вроде прокаженного. Ты же отъезженец, а тут иностранец, знаменитость, а рядом переводчик-гэбист, а все вокруг знают, что ты предатель, от тебя лучше подальше держаться.

Паша психанул, но в глубине души допускал Муськину правоту. Хоть уже в стране языки поразвязались и был объявлен курс на строительство «социализма с человеческим лицом», но те, кто не хотел его строить, пакуя чемоданы для выезда на ПМЖ в капиталистический лагерь, по-прежнему воспринимались чуть ли не врагами народа. Анисов молчал, но неожиданно позвонила Лиза. Она сказала, что профессор пригласил нескольких учеников и ее тоже, причем предупредил, что маэстро, возможно, захочет познакомиться с молодыми дарованиями, послушать их. Ей Анис посоветовал сыграть вариации. Лиза интересовалась, может ли Паша разок-другой пройти с ней по вариациям и еще – захватит ли он ее с собой или ей самой добираться рейсовым автобусом. Поездка должна была состояться через день. Паша назначил урок на вечер, а вот по поводу дачи ответил неопределенно. После пятого или шестого раза он наконец дозвонился на анисовскую дачу. Муськины злобствования оказались пророческими, но Анисов после всех туманных намеков, вдруг в сердцах выругавшись, сказал следующее:

– Ты, Пашка, прости. Знаешь, бери-ка свою Лизку, и приезжайте. Ты ее учитель и мой ученик. Вы – моя гордость. Хочу, чтобы француз вас услышал.

Дачный поселок вытянулся на косе, разделяющей открытое море и пресноводные лиманы. Несколько десятков дач были отданы во владение разным творческим союзам. Какого-то особенного творческого духа, парящего над этими дачами, не ощущалось. Народ отдыхал, жарился на солнце, просаливался в морской воде, ел, пил. Иногда, правда, можно было услышать невнятное бормотание рояля со стороны композиторских дач да увидеть парочку выставленных за калитки мольбертов у художников, а вот кинематографисты, писатели и журналисты полностью растворялись в многочисленных шумных компаниях с их бесконечными ночными купаниями и воплями подвыпивших девиц. Жаркое лето остывало, но море, прогретшись до дна на мелководье, булькало, как закипающий суп, запрограммированный для красоты светящимся в темноте планктоном.

Лиза вошла в воду, и волоски на руках и ногах, как иголки на елке, засветились фосфоресцирующим зеленоватым огнем. Она оттолкнулась от илистого дна и поплыла. Еще в ушах молоточками стучал рояль, а сердце подпрыгивало от возбуждения, но было ясно, что волшебство сегодняшнего вечера уже позади. Через час они сядут с учителем в машину и уедут. И останется тут, на берегу, этот праздник, восторг, испуг и радость, ее трусость и потрясение. Лиза плыла навстречу кривой луне, и лицо ее тоже кривилось от смеха и слез.

Весь вечер она обмирала от мысли, что придется играть. Из показанных великим музыкантом композиций ничего не запомнила. Казалось, что в уши вставили затычки, а на голову надели цинковое ведро. Кроме гулкого шума и стука собственного сердца, ничего не слышала. Учитель разговаривал с маэстро на корявом французском. Переводчик, еще с утра, мучился животом и постоянно выбегал из комнаты. Анисов хихикал и, подмигивая, уверял, что если тому станет еще хуже, то опять полечим. А если лучше не станет, то вызовем «Скорую». Пусть в больницу везут, с глаз долой. Лиза сидела в уголке с двумя студентами-выпускниками, которые должны были играть дуэт для рояля и флейты знаменитого

француза. Она подумала, что, даже если они будут плохо играть, все равно он их похвалит, ведь они играют его музыку, а вот при чем тут Бах в ее, Лизином, исполнении? Ребята сыграли замечательно, а новая фортепианная соната Павла Хлебникова понравилась гостю так, что он просил опять и опять играть отдельные части. Уже все устали, и Лиза втайне надеялась, что дело до нее не дойдет. Но стало досадно – а вдруг не вспомнят, не попросят к роялю, ничего не скажут.

Принесли кофе и десерт. Разлили шампанское. Поднимали тосты за гостя и хозяев, за учителей и учеников, за музыку и вдохновение. Лиза тоже выпила бокал, голова легонько качнулась и, как воздушный шарик, отделилась от тела, закружившись под потолком вместе с ночными мотыльками, налетевшими на свет лампы. И в этот момент старый профессор тяжело встал и подошел к Лизе. Он взял ее за руку и сказал: «Твоя очередь». Он вел ее к роялю, как на первый бал, словно сейчас она должна была танцевать свой первый вальс с тем единственным, которого потом будет любить всю жизнь. Она села, казалось, неестественно прямо и далеко от рояля. Ее балетная нога нащупала педаль, руки мягко взлетели, шея красиво изогнулась, и пальцы побежали по клавишам. Анисов искоса поглядывал на француза и посмеивался. Мужской интерес и любопытство, с которым тот рассматривал юную красотку пианистку, сменились вниманием, потом удивлением и, наконец, восхищением. Он не дал ей сыграть и половины, зааплодировав, вскочил и подбежал к роялю. Это могло показаться невежливым, но не тут и не с ним. Он встал на одно колено и поцеловал Лизе руку.

– Perfection! Elle est perfection absolue!¹ – задыхаясь, говорил он. Потом молот всякую чепуху, что готов взять ее в ученицы, увезти, устроить ей турне по Европе. По-видимому, сказалось выпитое за последние сутки шампанское, которое Анисов ящиками закупал перед гастролями француза. Паша мрачно наблюдал за прыжками гастролера и за смущением ученицы. Она не понимала слов на чужом языке, искала глазами переводчика. Переводчик спал на диване в соседней комнате, держась за живот, – слабительное, подлитое в его суп профессором, действовало до сих пор. Паша подошел к ним ближе и попросил маэстро повторить фразу. Когда начал перевод, слова застревали в горле. Он смотрел в широко распахнутые, испуганные глаза своей ученицы и говорил, что великий музыкант готов стать ее учителем и что, если она захочет, у нее будет все – Европа, слава, успех. Он готов взять на себя все затраты по обучению в Париже и уже сейчас начать подготовку концертной программы с оркестром. Пока Паша все это говорил, в голове вертелось: «Старый супник, паскудник, развратник, ишь, чего захотел, девчонку в Париж, себе под крыло. Да не под крыло, под брюхо. Вон какое нарастил, набулькал на своем «бордо». А у нее в глазах слезы счастья стоят. На меня смотрит, словно не понимает, о чем речь идет. О будущем твоём, моя девочка, о том, что впереди может быть другая, удивительная жизнь, в другом мире, на другом уровне. Бери, хватайся, беги отсюда, только ему ничего не позволяй, даже так смотреть, говорить, за руку брать...»

Лиза дослушала Пашин перевод и с грацией королевы повернула голову в сторону француза.

– Переведите ему, Павел Сергеевич, – сказала сухо. – Спасибо за предложение, но у меня уже есть учитель, которого я не променяю ни на какую Европу.

Паша чуть не поперхнулся, но радостно перевел. Француз поднялся, еще раз поцеловал Лизину руку и, хлопнув Пашу по плечу, сказал:

– Tu es chanceux!²

¹ Совершенство! Абсолютное совершенство! (франц.)

² Ты счастливчик! (франц.)

После все пошли купаться. Лиза отплыла подальше от плещущейся на мелководе компании и продолжала грести навстречу восходящей луне. Она слышала их голоса и смех, слышала, как они хором звали ее и просили далеко не заплывать. Ей хотелось, чтобы Паша поплыл и они оказались одни в этой густой, теплой и светящейся воде. Если бы он догнал ее, подхватил на руки, потом закружил, поднимая брызги! Она не знала, что Паша не умеет плавать, поэтому стоит сейчас по пояс в воде и с тревогой всматривается в темноту. Лиза обернулась в сторону берега и увидела освещенные окна дач, огоньки раскуриваемых сигарет. Она повернула назад и очень скоро вышла из воды, освещенная ярким пламенем разбитого у лодочного причала костра. Возле него сидели дачники дружественных творческих союзов. Никого из гостей Анисова не было. Все слушали усатого и чуть лысоватого гитариста, певшего хриплым голосом про лесоповал. Песня звучала отчаянно, с надрывом. Вдруг на полуслове она оборвалась, и гитарист, всматриваясь в темноту, произнес:

– Афродита! Смотрите – вот это да! Просто богиня, выходящая из ночного прибора! Остановись, мгновенье...

Все обернули головы. Паша вынырнул из черноты и смотрел на Лизу издалека. Он слышал все, что говорил усатый. И ему опять, в который раз за сегодняшний день, хотелось каждому мужику, смотрящему на нее, выколоть глаза. Лиза под села к огню. Возле нее уже вился какой-то смазливый брюнет. Он протянул полотенце и стакан. Предложил пойти вместе и поискать ее дачу. Лиза смеялась, ей нравилось быть в центре внимания. Паше, конечно, хотелось, чтобы она встала, ушла, обозвала бы всех козлами и побежала искать его, а найдя, упала в объятия. Но ученица сидела и слушала прерванную песню. Паша не выдержал и вышел к свету. Она увидела его и радостно помахала. Зазвучали последние гитарные аккорды. Все заплодировали и наперебой стали заказывать другие песни. Гитарист обернулся к Паше и прищурил глаз.

– Ты дочуру далеко от себя не отпускай, украдут. Жена, наверно, тоже красавица. Ты, давай, смотри в оба. Ух, и повезло же тебе, несчастному...

Паша хотел было огрызнуться, но Лиза усмехнулась и, повиснув на учителе, парировала:

– А он мне не папа, и жена у него не красавица. Он мой учитель, самый лучший и талантливый. И мне с ним очень повезло.

Возвращались они в город глубокой ночью. Паша вел машину, Лиза сидела рядом, а на заднем сиденье посапывал скрипичный дуэт.

«Хорошо, что ребята на последний автобус опоздали, – думал Паша, – как бы я с ней теперь ехал, после причала этого. Она специально в другую сторону от костра побежала. Как маленький ребенок, под лодку нырнула, спряталась, ждала, что найду. За ногу цапнула, как кошка. Затянула туда, опять губами впилась. Что же делать, мучение ты мое. Не могу я больше терпеть, а права не имею, в отцы гожусь. Да и не любит она меня, просто опыта никакого со сверстниками, вот и репетирует, проверяет свою женскую силу. А как хороша была в купальнике своем тоненьком, в песке, налипшем на бедра. Как пахла остро и сладко, вроде морем, но еще чем-то, только ей свойственным, – неужели так может пахнуть человеческий пот? Вот сейчас рядом сидит и волна этого теплого, хлебно-медового запаха щеко-чет нос. Колени развела, расслабилась, неужели заснула?» Он мельком глянул и понял, что девочка его спокойно спит, чуть приоткрыв рот. Он представил, как проник бы рукой между этих колен и нащупал там горячую, скользкую складочку, как раздвинул бы ее пальцами, как коснулся бы языком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.